

DOI: 10.18287/2782-2966-2022-2-1-40-49

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82

Дата поступления: 18.01.2022
рецензирования: 01.03.2022
принятия: 21.03.2022

Л.С. Сидоренко

ГБУК «Самарская областная универсальная
научная библиотека»,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: lilsidorenko@yandex.ru

Культурный код и архитектура пространства романа А. Иличевского «Чертёж Ньютона»

Аннотация: в статье рассматривается проблема взаимоотношения человека и времени на примере романа А. Иличевского «Чертёж Ньютона». Целью настоящей работы является анализ литературного текста, его структурно-композиционных элементов, художественных образов с точки зрения прочтения заданного писателем культурного кода героя. Культурные знаки, символы и коды синтезированы в тексте через художественные образы. Писатель создаёт в романе многомерное пространство через погружение читателя в сферу культуры, музыки, живописи, театра, фотографии, отсылки к другим литературным текстам. Единый культурный код произведения создаётся с помощью литературного приёма фокализации на образе отца главного героя. В центре романа герой – Константин – в ситуации поиска близкого человека. Сын на протяжении романа обращается к целому ряду личных воспоминаний об отце, к его эстетическим предпочтениям, творчеству. Эти воспоминания раскрывают глубину внутреннего мира главного героя, его интеллектуальные и культурные ценности. Архитектура текста создаётся и через паратекстуальные связи, которые расширяют границы романа как отдельного текста до текста культуры в семиотическом смысле. Художественное пространство романа насыщено символами прошлого времени и культуры, включает и интертекстуальные элементы для создания единого образа города, представленного системой или суммой символов в романе. Главный мотив романа – поиски отца через осознание его ценностей, его жизни.

Ключевые слова: паратекст; роман; художественное пространство; время; архитектура текста; Александр Иличевский; герой; граница текста.

Цитирование: Сидоренко Л.С. Культурный код и архитектура пространства романа А. Иличевского «Чертёж Ньютона» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2022. Т. 2, № 1. С. 40–49. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-40-49>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сидоренко Л.С., 2022 – заведующий отделом литературы на иностранных языках Самарской областной универсальной научной библиотеки, магистрант Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, 443110, Российская Федерация, г. Самара, пр. Ленина, 14А.

SCIENTIFIC ARTICLE

L.S. Sidorenko

Samara Regional Universal Scientific Library,
Samara, Russian Federation
E-mail: lilsidorenko@yandex.ru

The cultural code and architectonics of the space of A. Ilichevsky's novel «Newton's Drawing»

Abstract: the present article deals with the interaction problem between human and time as exemplified in the novel of A. Ilichevsky's novel "Newton's Drawing". The aim of the present research work – analysis of the literary text, its structural and compositional elements, artistic images from the author's concept regarding his / her personal perception and translation of the protagonist's cultural code. The cultural signs, symbols and codes are synthesized in the text via artistic images. The writer creates a multidimensional space in the novel through the reader's exposure into the spheres of culture, music, painting, theater, photography, references to other literary texts. The unified cultural of a literary work is created with the help of the focalization literary technique on the image of protagonist's father. In the novel the readers come across the main character, Kon-

stantin, searching for his significant parent, his father. The son reflects on his intimate memories regarding his father, his aesthetic preferences, his father's creative works. These memories help the readers understand the complex essence of the protagonist, his intellectual and cultural values. Architectonics of the text is also created via paratextual relationships, that broaden the borders of the novel as a separate text up to the cultural text level in terms of semiotics. The artistic space of the novel is filled with the cultural symbols of the past. It also includes intertextual elements of the purpose of the city's solid image creation – via system or symbols' sum in the novel, The head motif of the novel – the search of the father via understanding his values, his life, as well as an attempt to find the protagonist's own path, gain the main character's significance and penetrate into his cultural code.

Key words: paratext; novel; artistic space; time; text architectonics; Alexander Ilichevsky; protagonist; text frame.

Citation: Sidorenko, L.S. (2022), The cultural code and architectonics of the space of A. Ilichevsky's novel "Newton's Drawing", *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 2, no. 1, pp. 40–49, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2022-2-1-40-49>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Sidorenko L.S., 2022 – Head of the Office of Foreign Languages Literature of Samara Regional Universal Scientific Library, Graduate Student of Samara National Research University, 14A Lenin Ave., Samara, 443110, Russian Federation.

Введение

Современное литературоведение развивается стремительно, это связано с постоянным развитием теории и описанием проблем исследования, традиционных для художественной литературы, но концептуально по-иному представленных разными авторами в новых произведениях, отмеченных многочисленными существующими литературными премиями. И нам представляется, что обращение к категориям пространства и времени является значимым для раскрытия философской концепции и творческого метода современного писателя.

Авторы проявляют несомненный интерес к осмыслению категории времени. Изображение отношений человека и времени присутствует во многих романах Л. Улицкой, Е. Водолазкина, С. Афлатуни, Т. Толстой и других.

Философские позиции писателей позволяют им решить проблему личности и пережитых ею исторических событий. При этом для современной литературы характерны различные эксперименты с художественной моделью мира. Например, Е. Водолазкин вводит понятие «неисторического» романа или использует характерные черты научного исследования, как в романе «Соловьёв и Ларионов». Обращаясь к историческим событиям начала XX века, он создаёт «псевдоисторический портрет». Л. Улицкая определяет поджанр романа «Лестница Якова» как притчу. Таким образом, литературные произведения, написанные на основе исторического материала, преодолевают границы собственно «исторического романа».

В современном литературоведении к изучению исторического опыта событий прошлого и времени как художественно-философской категории обращаются исследователи с различных позиций: в вопросах репрезентации исторических концепций

в литературных формах (Лобин 2012), в контексте неомодернистской прозы (Безрукавая 2015), в аксиологическом аспекте проблемы и осмыслении травматического опыта (Бочкина, Голубков 2018). Отношение времени и человека рассматривается в аспекте изучения творческого художественного метода у отдельных авторов: Ю. Полякова (Бочкина, Голубков 2018), (Ибадова 2020), О. Славниковой (Фролова 2016), Л. Улицкой (Вукколова 2015), (Короткова 2020), (Skomp, Sutclie 2015), (Szabó 2019a, 2019b). Активно изучается современная русскоязычная литература китайскими исследователями, которые уделяют внимание основным особенностям художественных методов, аспектам изучения хронотопа (Хоу Вэйхун 2013), (Юй Ичжун, 2006).

Внимание исследователей к литературе 2000–2010-х годов обусловлено интересом к изучению тенденций и особенностей современного литературного процесса, репрезентативностью представленного круга проблем транспонирования отношений времени и человека в литературном тексте. Обращение авторов романов к событиям прошлого показывает важность изучения ретроспективности в современной литературе. В текстах поднимаются аспекты взаимосвязей прошлого и настоящего как исторического, так и частного, личного, невзирая на временную дистанцию, различие эпох. Такой подход актуализирует вопросы поиска своей культурной, исторической идентичности. В современной прозе формируется субъективный взгляд, выражающий авторскую позицию, на «объективные» события истории.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей художественного метода и философской картины мира писателя, изучении принципов построения парадигмы отношений человек – время и человек – пространство через литературно-

художественный анализ пространственно-временных связей героя. Анализ композиции, архитектоники текста даёт ключ к прочтению заложенного в тексте культурного кода.

Выбор материала исследования обусловлен интересом к творчеству Иличевского, который играет одну из ведущих ролей в современной русскоязычной литературе и успешно публикует свои произведения с 2000-х годов и по настоящее время (в 2021 году вышел в свет роман «Чертёж Ньютона»), является автором тридцати двух книг, одиннадцати романов, четырёх сборников рассказов, четырёх сборников стихов и пяти сборников эссе, его творчество вызывает интерес многих литературных критиков (Вежлян 2013), (Ганиева 2017), (Голубкова 2007), (Данилкин 2010), (Латынина 2010а, 2010b), (Пустовая 2010). Творчество писателя отмечено рядом престижных литературных премий: «Русский Букер» 2007 года, «Большая Книга» за 2010 и 2020 годы.

Обращение к изучению проблемы интерпретации времени и пространства в современной литературе, в частности на примере творчества А. Иличевского, позволяет говорить о более широкой культурной проблематике и тенденциях современного литературного процесса. Течение жизни в тексте теряет однонаправленность и однозначность, писатель отказывается от идеи поступательного исторического процесса и традиционных связей прошлого, настоящего и будущего. В романе время теряет свою изолированность и, используя различные приемы повествования, автор при обращении к категории памяти «перемещает» героев романа в разные эпохи (в данном исследовании на материале романа А. Иличевского «Чертёж Ньютона» советскую и постсоветскую). В современной реалистической прозе, несмотря на её особенности, хронотоп представляется единой целостной структурой, характеризующей пространство и время, который может рассматриваться в рамках традиционного понимания, рассмотренных в работах М. М. Бахтина (Бахтин 1975). Но тенденции к личностному осмыслению «исторического времени» в современной прозе требуют внимательного изучения произведений, отражающих авторскую позицию и концепцию времени и пространства и отношения героя к ним.

Методология

Обращаясь в настоящей работе к проблеме осмысления человека и времени в современной русскоязычной прозе на примере творчества А. Иличевского, необходимо, во-первых, сказать о проблеме осмысления границы современного романа как отдельного текста и, во-вторых, осмыслить целостность текста в его системе взаимосвязей с внетекстовыми элементами для моделирования художественного мира произведения.

Первый шаг на пути расширения понятия «текст» был, как известно, сделан М.М. Бахтиным, который ввел понятие «диалогичности» и вместе с этим текстового «полифонизма». Развивая идеи М.М. Бахтина, Р. Барт выдвигает в 70-е годы положение об интертекстуальной природе любого дискурса и пишет об интертекстуальности любого художественного текста, в котором иные тексты присутствуют в формах различной степени узнавания. Все новые произведения сотканы из уже существующих цитат, культурных кодов, ритмических структур (Барт 1996).

В настоящей статье мы используем термин «дискурс» в его классическом значении, которое сформулировал в своих работах Жерар Женнет (Женнет 1998). Он определяет его как систему «нарративных фигур», посредством которых осуществляется повествование.

Осмысление текста в его принадлежности к литературному полю во многом определяется и культурными символами, паратекстуальностью, интертекстуальностью, архитектурой текста.

Для настоящей работы нам необходимо определить семантическое поле используемой терминологии. Под интертекстуальностью, согласно теории Юлии Кристевой, представленной в ряде работ (Kristeva 1971), (Kristeva 1977), мы понимаем такое взаимодействие текстов, которое неупорядоченно и осуществляется через отдельные цитаты, отсылки и реминисценции, так как любой текст культуры содержит следы и отражения цитат из бесконечного количества текстов, таким образом, текст включает в себя все возможные интертекстуальные связи, которые позволяют прочитывать текст многократно в поисках новых смыслов.

Паратекстуальность нами понимается как термин, обозначающий рамочные элементы литературного текста в том значении, которым его наделил французский исследователь Жерар Женнет. Термин «паратекст» был введен для определения особенностей отношения текстовых и нетекстовых элементов. Женнет рассмотрел вопросы паратекстуальности и функционирования/связи рамочных элементов и литературного текста в работе «Пороги» (Gennet 1987). Другой французский исследователь Жак Деррида называл элементы, находящиеся на синтагматических границах текста и образующих его рамку, «парэргональными» (Derrida 1978).

В настоящей работе мы будем опираться на французскую школу и использовать термин «паратекстуальности» с выделением его основной функции кодового прочтения текста, который задается в том числе и метатекстуальностью или паратекстуальностью.

Для нашей работы важна и позиция Сергея Зенкина, который в работе «Теория литературы»

говорит о концепции интегральной интертекстуальности. Ее он сравнивает с системно-динамической моделью эволюции у русских формалистов и приходит к выводу о том, что обе теории приводят к одному результату: в них фактически отменяется время, делается обратимым, превращается в пространство (Зенкин 2018).

О вневременном характере хронотопа пишет и Н.Т. Рымарь в своей монографии «Поэтика границы в литературе» (Рымарь 2016). Исследователь говорит о схожести двух понятий «порога» и «рамы» романа, которые изолируют и перспективируют обрамлённый текст. Для нашей работы чрезвычайно важна эта общность и определение понятия «порога», введенное М.М. Бахтиным и рассматриваемое подробно на материале современной литературы Н.Т. Рымарем. Автор монографии пишет о вневременном характере хронотопа порога, который характеризуется как универсальная особенность поэтики порога в силу приоритетности происходящих событий во внутреннем мире человека и напрямую не соотносящихся с природно-физическим временем.

Ход исследования

Мы рассматриваем границу романа А. Иличевского «Чертёж Ньютона» как то, что ограничивает текст, опубликованный в виде книги, и как порог, благодаря которому появляется неограниченное количество его интерпретаций через все интертекстуальные и паратекстуальные связи. Нам важен семиотический подход к анализу текста.

О семиотической функции текста и коннотативном значении его элементов писал Ролан Барт (Барт 1989). В тексте все элементы имеют своё место в системе текста и создают «эффект реальности» происходящего. Автор в романе создаёт модель художественного мира, которая явлена нам на разных уровнях текста и его композиции. В теории Майкла Рифаттера (Riffaterre 1982) о повышенной детерминированности одних элементов текста, исследователь говорит о том, что эта особенность зависит от разных языков интерпретации текста и кода, который мы принимаем во внимание при герменевтическом чтении в отличие от первого эвристического прочтения.

Заголовок романа «Чертёж Ньютона» относится к ряду паратекстуальных элементов. При первичном, эвристическом чтении «чертёж» воспринимается как нечто схематичное, имеющее чётко организованную структуру или систему элементов. И обращение к известному имени Ньютона привлекает внимание, таит в себе некую загадочность, обращаясь в сознании читателя к другому, очень известному тексту «Код Да Винчи». При герменевтическом чтении заголовок приобретает иной смысл, указывает на научность познаний и поисков главного героя, точность и наследование

традиций великого учёного. Обнажение в названии романа структурности, схематичной точности соблюдается на композиционном уровне.

Пространство романа насыщено паратекстуальными и интертекстуальными элементами. Это модель художественного мира автора. В его интерпретации мира у главного героя романа нет внешних точек, ограничивающих время его существования: точки рождения и точки смерти. Так же, как и в жизни, он не помнит себя с рождения и отсутствует момент смерти. Пространство романной жизни героя ограничено, с одной стороны, пространством текста романа, а с другой стороны, оно представляется метафизически бесконечным.

Мы принимаем во внимание интертекстуальность прозы Иличевского, благодаря которой отменяется фокусировка на времени жизни героя. Оно связано с рядом событий, произошедших до его рождения.

Метафизические вопросы, которые ставит Иличевский в романе, вне времени и лишь отчасти связаны с пространством – высокой горой, горой духов, откуда они приходят в мир людей. Поэтому и время в романе приобретает некие характерные свойства пространства: герой может «перемещаться» во времени, путешествовать, как он путешествует в пространстве. Взгляд героя «внутрь себя» фокусирует внимание на определенных ситуациях, таким образом, автор моделирует пространство и время героя.

Рассмотрим архитектуру текста с точки зрения его внутренней организации и деления на главы. Часть названий глав явно связана с главным героем. И посвящены они тематически либо близким людям, как, например, глава 6 «Жена», глава 10 «Отец», или глава 14 «Шимон Леви». Опираясь на количественный метод Франко Моретти (Моретти 2013), достаточно широко используемый в практике современного литературоведения, применим его к анализу соотношений глав в общей структуре романа. Самая большая по объёму глава 16 «Великое сокрытие» занимает 29 страниц текста, и по 28 страниц текста занимают главы 14 «Шимон Леви», глава 15 «Лифта», глава 20 «Ante Christum Natum». От 16 до 23 страниц содержат глава 10 «Отец», глава 12 «Пузырёк», глава 17 «Министерство древностей», глава 18 «Дирижабль», глава 19 «Не Рим и не Париж».

Первая часть романа, где действие происходит вне Иерусалима, занимает 120 страниц, тогда как вторая, в пространстве Иерусалима, уже 229 страниц. Таким образом, роман разделен на 1/3 и 2/3, из которых на 1/3 помещается Иличевским пространство Москвы, Америки, детства в воспоминаниях о Союзе, советском прошлом, пространстве Севера и Южных республик, Памира. Оно компактно и изучено досконально, это пространство героя, его территория, на которой он либо

жил с отцом, либо осваивал его вынужденно: в Америку летал по просьбе жены на поиски тещи, ездил в Медведково (район Москвы) развозить подруг жены, ездил по работе и на учебную практику на Памир. Пространство Иерусалима – это пространство отца, его территория, пространство загадок и постижения тайн, отражения его желаний и саморефлексии, метафизического пути к осмыслению себя через обращение к миру отца, его личных вещей, знакомых людей и случившихся событий, в оставленных записях, исхоженных локусах, в памяти его друзей. То есть в многократности его отражений и формировании единого вида-представления, как метафоре храма, воссозданного в едином видимом образе через систему зеркал-«подсолнухов», через отражённые световые лучи воссоздаётся единая структура, архитектурный облик минувшего времени.

Архитектоника романа создаётся через чередование событий, связанных с художественным пространством. События начала повести – как некое предисловие, знакомство с жизнью героя, его внутренним миром, воспоминаниями об отце – происходят в разных локусах: современная Москва, пустыня Невада в штате Юта в Америке, Цейлон, Бомбей, горы Памира, Север с его тундрой. Новое пространство каждый раз активирует нарративный потенциал романа.

В каждой из локаций, где находится главный герой, присутствует эта бесконечность, обширность пространства: пейзажи Юты, её палитра, иероглифы ландшафта и её отражение на гигантских полотнищах Марка Ротко. Каньон Virgin River в сангвинно-мглистых оттенках, как на картинах Рембрандта, представляется улочкой средневекового города крестоносцев. Иерусалим предстаёт то как «остров, парящий над бездной», то в звучащем в храме на Сионе «Реквиеме» Моцарта, возникает «геометрический образ» города, возникает его «эллиптически-дирижабельная геометрия». Израиль предстаёт в романе моделью мира. Страна выступает противоположностью высокогорного Тибета, которая находится не высоко в горах, а, наоборот, спускается «в глубину земли, времени и человека».

Среди всех городских образов именно образы Москвы и Иерусалима являются центральными в романе. Пространственные локусы двух столиц, с одной стороны, представлены как оппозиции, а с другой стороны, находятся в непосредственной взаимосвязи. По мысли автора, которая растворена в многоголосье романа, только музыка способна полноценно передать «устройство и мышление города – судьбу его истории и жилую архитектуру, сочинённую на нотном стане ландшафта» (Иличевский 2021, с. 229). Все локусы в романе обретают свое живописное и музыкальное воплощение. Города обретают свой голос, они звучат

для героя через восприятие его отца: «Москва для него выражалась в Мусоргском, разлитом и парящем в рассветах и закатах над рекой. А Иерусалим с его лунными сумерками глубины времён лучше всего слышен в Двадцать третьем фортепианном концерте Моцарта, в этой белокаменной цельности, составленной из грусти и надежды» (Иличевский 2021, с. 229).

Образ города в первой части романа представлен среди многих локаций центробежной Москвой. Москва – центр жизни героя, там прошло его детство, оттуда он летает по стране и миру, туда возвращается. С ним связывают и семейные узы. Это метафорическое пространство в романе представлено несколькими временными срезами: улицы современного города, по которым ходит герой; здания, магазины и москвичи на фотографиях отца, его заметки к книге о московском конструктивизме.

Современная герою Москва предстаёт в образе некоего тела в апоплексическом состоянии, с образами улиц-сосудов, закупоренных пробками, застывшими тормозными сигналами, как красными тельцами, тромбами. Вся литературно-музыкальная жизнь современной Москвы представлена в виде «чужой» тусовки жены, которую герой воспринимает как «адский бал», «преисподнюю», где он вынужден присутствовать «в сторонке со стаканом сока», пока жена находится в мире неистинном, она поглощена не музыкой и литературой, а «их поверхностным глянцем». Отстранённость героя концентрируется в холодности отношения к городу, дистанцированности от жены и подчёркивается дорогой по улицам с «мрачным ледовитым подтекстом (Полярная, Седова, Амундсена, Студёная)» (Иличевский 2021, с. 20).

Локусы: Москвы и Иерусалима самые подробно выписанные на разных уровнях текста, они звучат музыкой, формируют особое пространство романа. И если Москва «поверхностна», мы видим фасады, фотографии, внешний облик, то образ Иерусалима многомерен, глубок, богат тайнами и древностями. Оба города одновременно в оппозиции и в композиционном единстве, в противопоставленности, но и в объединенности в судьбах персонажей романа. Культурный код в романе задан Московским локусом и продолжает своё развитие в пространстве Иерусалима. Он выступает в образе константы на уровне композиции – конструирование бесконечного пространства, глубокой духовности, устремлённой ввысь и в глубину веков одновременно, это наследование традициям развития человека, его высшего предназначения, путь бесконечного развития, постижения научного знания.

Вся вторая часть романа связана с пространством Иерусалима и его окрестностями. Начиная

с переломной 11 главы, в которой мы узнаём, что с отцом случается беда, когда он пропадает и его поиски не приносят никакого результата. С этого момента действие перемещается в Израиль, Иерусалим и окрестности. Сын Константин отправляется на поиски. Таким образом, по количественной сумме вторая часть романа более важная, несёт большую смысловую нагрузку и заключает в себе основное авторское высказывание.

Обратимся к локусу второй части романа, которая требует более подробного рассмотрения и анализа древнего и полного исторических тайн пространства Иерусалима и окрестностей. Так, в главе 15 «Лифта» автор говорит, что «Лифта, заброшенная деревня, – гиблое, волшебное место» (Иличевский 2021, с. 182). Но были времена, когда это место было хипповой Меккой Израиля. В этом волшебном месте всё не так, как в обычной жизни, знаковость начинается и с переименования героя: в пространстве Лифты у него прозвище «Физик». Но для анализа важно, что это его альтерэго или именование его предназначения и сущности, его истинное лицо.

В пространстве Лифты у всех есть прозвища: Лётчик, Андрюшка, Пчёл, Осс, Муравей, Афанасий, Боря-Симпсон, Англичанин, Карабах, Серёжа-Трубадур. Среда Лифты – это родственная герою «среда незрелого безвременья, пронизанного ностальгией по оставленной отчизне». От Лифты герой получает круг друзей отца «в наследство». Но эти вневременные, казалось бы, события точно связаны с настоящим временем жизни героя, так как он точно датирует эти воспоминания: 15 июня двадцать лет назад, когда он приехал и вдруг осознал, как отец состарился, почувствовал время, которое мелькнуло огнём зажигалки и осветило лицо родителя. В этой же главе появляется братство *Ante Christum Natum*, которое потом появится в названии предпоследней главы романа. Эта отсылка не случайна, она пространственно и композиционно связана с образом героя и его странствием: в начале 20 главы герой осознаёт, чем закончатся его поиски.

В главе 20 мы вместе с героем становимся посвящёнными в братство архивного союза Иерусалима – *Ante Christum Natum*. Автор даёт культурный код для прочтения единого образа города Иерусалима. Так как члены братства убеждены, что город – это книга, перед нами воссоздаётся образ книги, текста культуры, «его бумажно-каменного тела, хранящего все страницы временных слоёв» (Иличевский 2021, с. 307). Картины Поленова из Палестинского цикла, «Тайная Вечера» Леонардо, чертёж храма Ньютона – страницы прекрасного древнего города, запечатлённые в эстетических объектах.

Пространственные перемещения героя тесно связаны с главным мотивом романа – поисками

отца. Пространство и отношение героя и времени формирует свой особенный культурный код. По мнению П. Басинского, главный в романе не герой-рассказчик, а образ отца как центральная фигура текста (Басинский 2019).

Сюжеты об античном Эдипе, шекспировском Гамлете акцентируют в произведении проблему отца и сына, памяти рода и смены поколений, человека и проживания им времени судьбы в романе «Чертёж Ньютона». В одной из сцен романа герой становится свидетелем разговора о скандальной постановке спектакля по «Макбету», когда актёры играют на сцене пьесу без единого слова, а для зрителей этот сюжет понятен. Автор включает в пространство романа и образ «Гамлета». Культурный код – в сюжете, мотиве, в котором заключён истинный смысл. Эта шекспировская трагедия нужна для передачи духовного мироощущения героя, глубины его переживаний и внутренней тоске по исчезнувшему отцу. И встреча Гамлета с призраком – намёк на поиски «призрака» отца в пространстве романа, попытка через его дневники, локусы, памятные воспоминания встретиться с ним. Это метафорические поиски отца.

Обратим внимание на способы номинации героев романа. Отец в главе 10 называет сына следующим образом: «Костя, Константин, константа, постоянный, косточка». До этого момента он выступает в качестве героя-нарратора, который ведёт рассказ от своего лица. Сакрализация имени и новая номинация играют важную смысловую роль. Мифологическое мышление героя придаёт огромное значение акту номинации субъекта. Номинативный ряд, упоминаемый отцом в диалоге, задаёт код прочтения, даёт семиотический ключ. Это тот, кто постоянно присутствует в романе, остальные герои появляются и исчезают при встрече с ним или в его воспоминаниях.

Художественный мир героя пространственно включает и его семейные локусы. Семья героя в его реальном и настоящем – это мир, чуждый ему. И семейная жизнь героя как будто идёт по заданной траектории и наследует сложившиеся отношения в семье тещи. Отец жены был выдворен из семьи, когда дочери исполнилось 12 лет. Она тайком ходила к нему на балкон кормить синичек и снегирей, прилетавших из Сокольнического парка. Он не ушёл из семьи, его пространство локально ограничили до пределов его комнаты, в которой он вёл свое хозяйство сам. Жена превратила семейную квартиру в локус казённого учреждения по типу ЗАГСа, в котором она работала, там и зачерствела. Жена повесила в коридоре предписания мужу: «Бельский не может оставлять гостей, занимать вешалку в прихожей, музыка у него звучит шёпотом», «Бельскому предписывается: держать мусорное ведро у себя, чистить балкон после голубей и от снега», «Бельский должен:

мыть полы в коридоре по понедельникам, санузел по четвергам», «Бельский обязан предупреждать: когда уезжает и насколько» (Иличевский 2021).

Образ тёщи представлен ролью хищного и агрессивного кота, а тесть играет незначительную роль незаметной мыши. В романе с первых страниц ставится проблема отца, роли мужчины в семье. И его внутренний мир сопротивляется этому властному матриархату, который царит в семье жены, где властвуют над всем на свете Кот и Мопс. Имена и семейные прозвища чрезвычайно важны в романе, для героя они ужасны: бабушка жены зовётся дома Мопсом, мать жены – Котом, а жена Юля – Кисой, но этот мир прозвищ чужд герою, он никогда так не называет жену.

Семья Константина по воспоминаниям детства совсем другая, хотя отец тоже чаще всего находится вне семьи: его профессия связана с его частым отсутствием – он геолог, но он рвётся в Москву к жене, сыну.

Композиционно в тексте важны локальные оппозиции: семья Юлии с царившим матриархатом и прозвищами, ограниченная квартирой, сжатая до локальных мест Москвы, и семья Константина с важными отношениями отца и сына, с большим миром, местами, где герой и его отец работают, летают на научные конференции, путешествуют. Пространство не только противопоставлено, оно и различно по степени духовной и культурной значимости: поверхностный мир жены, её увлечений и глубина исследований отца и сына, обращение к важным, метафизическим вопросам жизни во Вселенной.

Бесконечность мира героя пространственно реализована в романе многочисленными перемещениями, безграничными пространствами, погружениями в глубину времени – в археологию (отец) и физику, анализ данных, развитие современной науки (сын – Константин).

Если в начале романа герой, глядя на семью жены, рассуждает о предчувствии, что он тоже будет играть такую же незаметную, незначительную роль, как отец жены, скромный работник генплана, то в развитии сюжета мы видим неизменность устремлений героя, заложенную в него его родом, его отцом, следование своим традициям, не случайно он носит имя Константин – константа, постоянство. С одной стороны, герой не сопротивляется явно, но, с другой стороны, он так же, как и отец в его детстве, уходит из семьи, уезжает в Иерусалим.

В итоге перед читателем предстает роман как опыт осмысления семейных отношений, духовной преемственности рода, роли мужчины в жизни сына, осознание своего предназначения в жизни, поиск своей сущности.

Эта важность метафизических поисков, духовная глубина представляется герою повсюду.

В образе молодого еврея-ашкеназа, отца многочисленного семейства, ему является образ Раскольникова в его кинематографическом отражении – в актёре Тараторкине в кадре на мосту через Мойку, только обращая внимание на различие, что еврей никого не собирался убивать, а был озабочен личным несовершенством, выражающимся в его бедности и трудности в обеспечении многочисленной семьи.

Полученные результаты и выводы

В романе А. Иличевского «Чертёж Ньютона» к паратекстуальным элементам текста относятся название произведения, жанр, названия глав, что создаёт организацию текстового пространства, переход от одной части повествования к другой, актуализирует читательское восприятие части текста – как отдельной главы, которая обозначена автором и дана под определённым заголовком, что формирует читательский интерес и фокусирует взгляд на рассматриваемой стороне вопроса.

Жанр произведения – роман – определяет то, чем является текст. Романная форма выводит за пределы самого текста и адресует нас к интертекстуальным традициям жанра. Тематические заголовки: название романа и отдельных глав погружают нас внутрь романа, задают векторы прочтения и саму динамику нашего движения к смыслам, которые рождает текст.

В названии романа на первый план выдвигается автором дескриптивная характеристика, данная через отношение субъектов романа с объектами – чертежом Ньютона. Апеллируя к известному имени в сочетании со словом «чертёж», не определённый как чертёж чего, а определённый по его создателю, рождается загадочность текста, которая усиливается фантастическими образами, «блужданиями» героя. Чертеж – это нечто конкретное, в противоположность метафизическим поискам обретения себя через поиски отца, осмыслению своего пути, когда герой «идёт» вслед за отцом. Не случайны и отсылки к мотивам Эдипа, Гамлета, симфонии конца «Скрябина», образах фантастических существ верхнего мира, тема «ухода» как конца пути и тому, что остаётся после человека в памяти тех, кто идёт «следом», следует своей судьбе, своему предназначению. Пересекая пространство, возвращаясь к воспоминаниям на страницах романа, герой преодолевает непреодолимый ход времени. Он обретает своё истинное «я», осознаёт процесс движения жизни, для него остановка – это конец пути, и остановится герой не в силах. Время можно остановить на фотографиях, запечатлеть миг, но это фиксация изменчивой жизни не в силах остановить саму жизнь, обратить её вспять.

Художественные образы в романе продуцируются через культурные символы и знаковые коды, которые создаются через интертекстуальное ци-

тирование в пространстве романа литературных текстов, произведений музыки, живописи, театра, фотографии. Архитектурный текст наполнен паратекстуальными элементами, которые расширяют границы романа как отдельного текста до текста культуры в семиотическом смысле.

Источники фактического материала

Иличевский А.В. Чертёж Ньютона: роман. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 348 с.

Библиографический список

- Gennet, G. (1987), *Seuils*, Seuil, Paris, France.
- Derrida, J. (1978), *La Verite en peinture*, Flammarion, Paris, France.
- Kristeva, J. (1971), *Probleme der Textstruktur*, Trans. I. and J. Rehbein, *Literaturwissenschaft und Linguistik* II.2., ed. J. Ihwe, Athenäum, Frankfurt a. M., Deutschland, pp. 484–507.
- Kristeva, J. (1977), *Word, Dialogue, Novel, Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*, Trans. L.S. Roudiez, Columbia UP, New York, USA.
- Moretti, F. (2013), *Distant Reading*, Verso, London, New York, UK, USA.
- Riffaterre, M. (1982), *L'illusion referentielle*, Barthes R., Bersani L., Hamon Ph., Riffaterre M., Watt I., *Litterature et realite*, Seuil, Paris, France.
- Skomp, E.A. and Sutclie, B.M. (2015), *Ludmila Ulitskaya and the art of tolerance*, The University of Wisconsin Press, Wisconsin, USA.
- Szabó, T. (2019a), *Színház a regényben: A Lear király és Jákob lajtorjája. Humor és sport a szláv kultúrákban* (ed. Kiss Szemán R.), ELTE BTK Szláv és Balti Filológiai Intézet – Zuglói Szlovákok Önkormányzata, Budapest, Magyarország, ol. 127–156.
- Szabó, T. (2019b), *Az írói identitás poétikai leképezése* (L. Ulickaja: Jákob lajtorjája), *Egyéni és kollektív iden-titások, Hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában IX*, Szláv Történelmi és Filológiai Társaság, Szombathely, Magyarország, ol. 251–264.
- 侯玮红. 当代俄罗斯小说研究 [M]. 北京: 中国社会科学出版社, 2013年. 233页. – Хоу Вэйхун. Современная русская проза. Пекин: Изд-во Китай. акад. обществ. наук, 2013. 233 с.
- 余一中. 俄罗斯文学的今天和昨天 [M]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2006年. 349页. Юй Ичжун. Вчерашняя и сегодняшняя русская литература. Харбин: Хэйлунцзянское нар. изд-во, 2006. 349 с.
- Барт Р. Text. Цит. по: Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. Под ред. И.П. Ильина и Е.А. Цургановой. Москва: ИНТРАДА, 1996. С. 218.
- Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. С. 393–400.
- Басинский П. Приключения земного шарика: Александр Иличевский выпустил новый роман // Российская газета. 2019. Федеральный выпуск № 282 (8040). Электронный ресурс. URL : <https://rg.ru/2019/12/12/aleksandr-ilichevskij-vypustil-roman-o-svoih-zhiznennyh-prikliucheniiah.html> (дата обращения: 12.01.2022).
- Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
- Безрукавая М.В. Современная русская проза: проблема метода. Краснодар: Кубанский социально-экономический институт, 2015. 100 с.
- Бочкина М.В., Голубков М.М. Понятия «исторического» и «неисторического» в эстетической и философской системе романа «Авиатор» Е. Водолазкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 2. С. 188–197.
- Вежлян Е. Присвоение истории // Новый мир: журнал. 2013, № 11. Электронный ресурс. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2013/11/prisvoenie-istorii.html (дата обращения: 12.01.2022).
- Вуколова В.С. Интертекстуальный способ изображения исторической эпохи 1953–1996 гг. в романе Л.Е. Улицкой «Зелёный шатёр» // Вестник ТГУ. Вып. 6 (146), 2015. С. 218–224.
- Ганиева А. «Общество ищет образцы и модели существования и саморепрезентации» // Дружба народов: журнал. 2017. № 1. Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/1/obshhestvo-ishhet-obrazczy-i-modeli-sushhestvovaniya-i-samoreprezentaczii.html> (дата обращения: 12.01.2022).
- Голубкова А. Медленное изучение природы: рец. на кн. Иличевский А. Матисс: Роман. Москва, 2007 // Журнал «Новое литературное обозрение». 2008, № 1. Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/1/medlennoe-izuchenie-natury.html> (дата обращения: 08.10.2021).
- Данилкин Л. Клуб // Новый мир: журнал. 2010, № 1. Электронный ресурс. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2010/1/kludzh.html (дата обращения: 20.12.2021).
- Женнет Ж. Фигуры. Работы по поэтике: В 2 т.: Пер. с фр.; Общ. ред. и вступ. ст. Зенкина С.Н. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1, 469 с.
- Зенкин С.Н. Теория литературы: проблемы и результаты. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 368 с.
- Ибадова Г.Э. Художественное время московского текста Юрия Полякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 3. С. 458–467.
- Короткова Н.С. Особенности современного сюжетостроения на примере романа Л.Е. Улиц-

кой «Лестница Якова» // Художественный текст глазами молодых: Мат. IV междунар. научн. конф.; сост. М.Г. Пономарева, Е.А. Федорова. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2020. С. 199–207.

Латынина А. Судьба пророка в XXI веке: о романе Александра Иличевского «Перс» // Журнал «Новый мир». 2010, № 10. Электронный ресурс. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2010_10/Content/Publication6_161/Default.aspx (дата обращения: 05.10.2021).

Латынина А. Манифестация воображаемого // Журнал «Знамя». 2010, № 3. Электронный ресурс. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/3/manifestacziya-voobrazhaemogo.html> (дата обращения: 06.10.2021).

Лобин А.М. К вопросу о характеристике исторического дискурса русской литературы рубежа XX–XXI веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 3. С. 83–89. То же [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-harakteristike-istoricheskogo-diskursa-russkoj-literatury-rubezha-xx-xxi-vekov> (дата обращения: 12.01.2022).

Пустовая В.Е. Крупицы тверди. Александр Иличевский // Вопросы литературы: журнал. 2010. № 4. Электронный ресурс. URL: <https://voplit.ru/article/krupitsy-tverdi-aleksandr-ilichevskij/> (дата обращения: 12.01.2022).

Рымарь Н.Т. Поэтика границы в литературе: Эстетические и поэтологические аспекты проблемы границы как феномена художественного языка. Siedlice: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny, 2016. 334 с.

Фролова Г.А. К вопросу о характере творческой эволюции О. А. Славниковой // Текст. Произведение. Читатель: материалы IV междунар. конф. Прага, 2016. С. 38–42.

References

- Gennet, G. (1987), *Seuils*, Seuil, Paris, France.
- Derrida, J. (1978), *La Verite en peinture*, Flammarion, Paris, France.
- Kristeva, J. (1971), *Probleme der Textstruktur*, Trans. I. and J. Rehbein, *Literaturwissenschaft und Linguistik* II.2., ed. J. Ihwe, Athenäum, Frankfurt a. M., Deutschland, pp. 484–507.
- Kristeva, J. (1977), *Word, Dialogue, Novel, Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*, Trans. L.S. Roudiez., Columbia UP, New York, USA.
- Moretti, F. (2013), *Distant Reading*, Verso, London, New York, UK, USA.
- Riffaterre, M. (1982), *L'illusion référentielle*, Barthes R., Bersani L., Hamon Ph., Riffaterre M., Watt I., *Litterature et realite*, Seuil, Paris, France.

Skomp, E.A. and Sutclie, B.M. (2015), *Ludmila Ulitskaya and the art of tolerance*, The University of Wisconsin Press, Wisconsin, USA.

Szabó, T. (2019a), *Színház a regényben: A Lear király és Jákob lajtorjája. Humor és sport a szláv kultúrákban* (ed. Kiss Szemán R.), ELTE BTK Szláv és Balti Filológiai Intézet – Zuglói Szlovákok Önkormányzata, Budapest, Magyarország, ol. 127–156.

Szabó, T. (2019b), *Az írói identitás poétikai leképezése* (L. Ulickaja: Jákob lajtorjája), Egyéni és kollektív iden-titások, Hagyomány és megújulás a szláv népek történelmében és kultúrájában IX, Szláv Történelmi és Filológiai Társaság, Szombathely, Magyarország, ol. 251–264.

侯玮红. 当代俄罗斯小说研究 [M]. 北京: 中国社会科学出版社, 2013年. 233页. Hou Weihong. *Modern Russian prose*. Beijing: China Publishing House. acad. societies. sciences, 2013. 233 p.

余一中. 俄罗斯文学的今天和昨天[M]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2006年. 349页. Yu Yizhong. *Yesterday's and today's Russian literature*. Harbin: Heilongjiang Publishing House, 2006. 349 p.

Bart, R., (1996), *Text, Cit. according to: Intertextuality, Modern foreign literary studies: An encyclopedic reference*, Edited by I.P. Ilyin and E.A. Tsurganova, INTRADA, Moscow, Russia.

Bart, R. (1989), *The effect of reality, Selected works: Semiotics. Poetics*, Progress, Moscow, Russia, pp. 393–400.

Basinsky, P. (2019), *Adventures of the Globe: Alexander Ilichevsky has released a new novel, Rossiyskaya Gazeta*, federal issue no. 282 (8040), Moscow, Russia, electronic resource, [Online], available at: <https://rg.ru/2019/12/12/aleksandr-ilichevskij-vypustil-roman-o-svoih-zhiznennyh-priklucheniiah.html> (Accessed 12 January 2022).

Bakhtin, M.M. (1975), *Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics*, Bakhtin M.M. *Questions of literature and aesthetics*, Art. lit., Moscow, Russia, pp. 234–407.

Bezrukavaya, M.V. (2015), *Modern Russian prose: the problem of method*, Kuban Socio-Economic Institute, Krasnodar, Russia.

Bochkina, M.V. and Golubkov, M.M. (2018), *The concepts of "historical" and "non-historical" in the aesthetic and philosophical system of the novel "Aviator" by E. Vodolazkin*, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, Series: Literary Studies, Journalism*, vol. 23, no. 2, pp. 188–197.

Vezhlian, E. (2013), *Assignment of history, Novy mir: a magazine*, no. 11, electronic resource, [Online], available at: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2013/11/prisvoenie-istorii.html (Accessed 12 January 2022).

Vukolova, V.S. (2015), *The intertextual way of depicting the historical epoch of 1953-1996 in L.E. Ulitskaya's novel "The Green Tent"*, *Bulletin of TSU*, issue 6 (146), pp. 218–224.

- Ganieva, A. (2017), Society is looking for patterns and models of existence and self-presentation, *Friendship of Peoples: a magazine*, no. 1, [Online], available at: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2017/1/obshchestvo-ishhet-obrazczy-i-modeli-sushchestvovaniya-i-samoreprezentaczii.html> (Accessed 12 January 2022).
- Golubkova, A. (2008), Slow study of nature: rec. on the book. Ilichevsky A. Matisse: Roman. M., 2007, *New Literary Review: a magazine*, no. 1, [Online], available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/1/medlennoe-izuchenie-natury.html> (Accessed 08 October 2021).
- Danilkin, L. (2010), Kludge, *Novy mir: a magazine*, no. 1, [Online], available at: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2010/1/kludzh.html (Accessed 20 December 2021).
- Gennet, G. (1998), Figures, *Works on poetics: in 2 volumes*, trans. from French, general ed. and the introductory article of Zenkin S.N., vol. 1, Publishing House named after him. Sabashnikov, Moscow, Russia.
- Zenkin, S.N. (2018), *Theory of literature: problems and results*, New Literary Review, Moscow, Russia.
- Ibadova, G.E. (2020), The Artistic Time of the Moscow text by Yuri Polyakov, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, Series: Literary Studies, Journalism*, vol. 25, no. 3, pp. 458–467.
- Korotkova, N.S. (2020), Features of modern plot-building on the example of L.E. Ulitskaya's novel "Jacob's Ladder", *Artistic text through the eyes of the young: Mat. IV International Scientific conference*, comp. M.G. Ponomareva, E.A. Fedorova, K.D. Ushinsky YAGPU, Yaroslavl, Russia, pp. 199–207.
- Latynina, A. (2010a), The Fate of the Prophet in the XXI century: about Alexander Ilichevsky's novel "The Persian", *Novy Mir: a Magazine*, no. 10, [Online], available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2010_10/Content/Publication6_161/Default.aspx (Accessed 5 October 2021).
- Latynina, A. (2010b), Manifestation of the imaginary, *Znamya: a Magazine*, no. 3, [Online], available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/3/manifestaciya-voobrazhaemogo.html> (Accessed 6 October 2021).
- Lobin, A.M. (2012), On the question of the characteristics of the historical discourse of Russian literature at the turn of the XX–XXI centuries, *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism*, no. 3, pp. 83–89, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-harakteristike-istoricheskogo-diskursa-russkoy-literatury-rubezha-xx-xxi-vekov> (Accessed 12 January 2022).
- Pustovaya, V.E. (2010), Grains of the firmament. Alexander Ilichevsky, *Questions of literature : a magazine*, no. 4, [Online], available at: <https://voplit.ru/article/krupitsy-tverdi-aleksandr-ilichevskij/> (Accessed 12 January 2022).
- Rymar, N.T. (2016), *Poetics of the border in literature: Aesthetic and poetological aspects of the problem of the border as a phenomenon of artistic language*, Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny, Siedlce, Polska.
- Frolova, G.A. (2016), On the question of the nature of the creative evolution of O.A. Slavnikova, *Text. Composition. Reader: materials of the IV International Conference*, Prague, Czech, pp. 38–42.
- Submitted: 18.01.2022
Revised: 01.03.2022
Accepted: 21.03.2022